

и художественной практике Чехова негативизм. Область его критицизма, в пределе — отрицания (имеющего в повествовании многообразное выражение) — это преимущественно феноменология русского социума. Здесь писатель предлагает свою анатомию, свою симптоматику и диагностику социального тела, в котором его интересует не общая историческая патология, а скорее судьба клеток и отдельных органов, подверженных атрофии, перерождению и утрачивающих живую связь с целым. По этим линиям и происходит у Чехова тематизация и парцелляция русской действительности, порождающие все дробное множество типично «чеховских» фигур, ситуаций, бытовых подробностей.

Но — что гораздо важнее — отрицательное освещение их зачастую зависит не столько от их собственных качеств, сколько от свойств авторского мироотношения. В нем и коренилось отрицание, в нем отсутствовала всесвязующая, «общая идея», исторические и бытийные цели, о чем говорит он в известном письме к А. С. Суворину от 25 ноября 1892 года. Такое убеждение сложилось у писателя из-за глубокого недоверия к существующим религиозным и философским объяснениям мира как внутренне связанного и имеющего смысл в своем целом и в своих частях. Чехов мог признавать лишь эмпирическую данность мира и лишь в пре-

делах обыденного знания об этой данности. Единственной мерой ценности для него был практический гуманизм и житейская правда. Лишенный универсального единства, мир представлялся ему состоящим из разнородных и разрозненных фрагментов. Отсюда проистекало господство малых (и мелких) жанров в его прозе и особое значение детали. В каких-то частях мира (прежде всего в природных явлениях) была или могла быть своя доля добра, правды, красоты, но все вместе не складывалось в целостную картину, имеющую смысл и оправдание в бытии.

Богатство рассматриваемых Степанян-Румянцевой творческих личностей, текстов, артефактов значительно пополняется в четвертом и пятом разделах книги. Так, очень интересно представлена фигура искусствоведа Н. А. Дмитриевой, высказаны глубокие суждения о работах А. Флакера, Г. Гордона, Г. Рождественского, Г. Пospelова, Б. Диодорова, М. Шварцмана, Н. Родионовской. В последнем разделе помещены интервью с несколькими деятелями культуры — с Р. Герра, А. Чечиком, М. Сологубом, М. Мечевым, Г. Чурак, С. Чуприниным, здесь же — беседа с протоиереем о. Павлом Карташевым.

Острый взгляд автора рождает острую мысль и увлекательное интеллектуальное повествование.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-246-248

© Т. В. Мисникевич

«ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ» НИКОЛАЯ МИНСКОГО: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ*

Уже в самом названии монографии С. В. Сапожкова отражена его концепция творческой судьбы Н. М. Минского: это не прямой путь, хотя подчас и связанный со сложностями, но так или иначе предопределенный, а именно «тропа», которую начиная с 1880-х годов прокладывали и осваивали «слишком ранние предтечи слишком медленной весны» — первые русские модернисты. Появление многоаспектной работы о поэзии, драматургии и философском наследии Минского чрезвычайно важно, поскольку, при довольно высокой степени

изученности состояния русского символизма в начале XX века, фундаментальных трудов о его раннем периоде, т. е. второй половине 1880-х — начале 1890-х годов, где ставилась задача проследить, как сохранялись или, наоборот, видоизменялись заложенные в то время литературно-художественные, эстетические и философские основы в позднейшем творчестве «предтеч», насчитывается не так много.

Книга о Минском в значительной степени является итогом многолетних плодотворных исследований ее автора в области поэзии, критики, публицистики и литературного быта конца XIX — начала XX века, основанных на глубоком знании русской и европейской культуры и, что особенно ценно, тщательном изучении ранее не публиковавшихся архивных материалов.¹

* Сапожков С. В. По опасной тропе «холодных слов»: поэзия и судьба Николая Минского. М.: Дмитрий Сечин, 2021. 606 с. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10012 «Писатель — критик — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)», <https://rscf.ru/project/19-78-10012/>, в ИРЛИ РАН.

¹ См., например: Сапожков С. В. 1) Русские поэты «безвременья» в зеркале критики 1880–1890-х годов. М., 1996; 2) «Пятницы»

Сапожкову в полной мере удалось реализовать обозначенную во «Введении» основную задачу своей работы: «проследить все „четыре жизни“ духовной биографии Минского, объективно оценить его роль и значение в развитии религиозно-обновленческих „идей времени“ и адекватных им „форм времени“, понять логику эволюции его мировоззрения и поэтического стиля, разобраться в причинах и истоках его трагической судьбы как поэта и мыслителя и таким образом придать картине религиозно-философского движения Серебряного века новые смысловые обертоны, делающие ее более объемной и многоаспектной» (с. 21).

Монография состоит из пяти разделов. Четыре из них последовательно воспроизводят «четыре жизни» Минского с помощью вдумчивого анализа фактов биографии писателя, текстов его поэтических и драматических произведений, литературно-философских трактатов, критических выступлений, материалов переписки, мемуарных свидетельств. Пятый раздел посвящен детальному разбору важнейших событий творческой биографии Минского: роли западноевропейских источников, прежде всего эссеистики Шарля Бодлера, в подготовке статьи «Старинный спор», взаимоотношениям с современниками — З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковским, Д. В. Filosoфским, З. А. Венгеровой, Л. Н. Вилькиной в аспекте их религиозно-философских исканий и создания жизне-творческой утопии, наконец, истории так и не выпавшего в свет тома избранных стихотворений Минского в Госиздате в связи с 50-летием творческой деятельности поэта.

Сам автор определяет жанр своего исследования как очерк жизни и творчества Минского. Однако и по объему, и по полноте оно вполне приближается к научной биографии. Сапожков проследивает путь своего героя начиная от первых литературных опытов до последней попытки напечататься в уже советской России. Сориентироваться на витиеватой «тропе» ис-

каний Минского читателю помогает разбивка разделов-«жизней» на главы, связанные четкой обозначенными смысловыми «мостиками».

Глава 1 первого раздела посвящена колебаниям Минского в начале 1880-х годов между леворадикальными и умеренно-либеральными общественными группами. В этой главе анализируется специфика его народнической лирики, составившей основу запрещенного цензурой сборника «Стихотворения» (1883), — обилие философских рассуждений и обобщений, интерес к острым и трагическим ситуациям, связанным с пребыванием на грани жизни и смерти.

Трансформация построенной на парадоксах поэтической системы в полноценную эстетическую теорию представлена в главе 2. Становление эстетики Минского рассмотрено здесь в контексте его участия в киевском кружке «новых романтиков» (особое внимание исследователь уделяет западноевропейским и отечественным ориентирам его членов) и поисков собственных, отличных, в частности, от построенных И. И. Ясинского, идеалов, приведших к принципиальному противопоставлению творческих возможностей науки и искусства. Сапожков приходит к выводу о литературной изоляции Минского к моменту выхода его второго сборника «Стихотворения» (1887): «Уйдя от тенденциозной эстетики, поэт так и не смог пристать к берегу „чистого искусства“, даже в его обновленном „новоромантическом“ варианте» (с. 73).

Анализу поэтики и идейно-художественного содержания этого сборника посвящена глава 3. Основную его особенность ученый усматривает в том, что тот стал декларацией «вполне сложившегося лирического стиля и художественного мировоззрения, со своим оригинальным образным строем и — главное — новым пониманием функционального назначения поэтической книги» (с. 74). В этом первом опубликованном сборнике Минского Сапожков видит прочный фундамент для становления одного из наиболее значимых его творений — «философской поэмы в прозе».

Книга «При свете совести: мысли и мечты о цели жизни» положила начало «второй жизни» Минского. В главе 1 второго раздела подробно рассмотрена религиозно-философская концепция Минского, а именно «мэонизм» и ее творчески переосмысленные источники; место теории Минского в ряду исканий русской философской критики, в первую очередь в трудах Д. С. Мережковского; жанрово-стилевая природа трактата, а также восприятие «мэонизма» в прижизненной критике.

Второй доведенный до печати сборник стихотворений Минского 1896 года, находящийся в центре внимания в главе 2, послужил, как показывает Сапожков, поэтическим воплощением его философских построений и заложил «основы противоречивого по своей художественной природе творческого метода, который можно было бы условно назвать „религиозно-просветительским символизмом“» (с. 162).

К. К. Случевского (по новым материалам) // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 232–375; 3) Поэзия и судьба Николая Минского // Минский Н., Добролюбов А. Стихотворения и поэмы. СПб., 2005. С. 7–95 (Новая Библиотека поэта; Ранние символисты); 4) Князь Александр Иванович Урусов — человек эпохи предмодернизма // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 268–315; 5) Творческий путь Константина Фофанова: между классикой и модернизмом // Фофанов К. Стихотворения и поэмы. СПб., 2010. С. 5–64 (Новая Библиотека поэта); Переписка З. Н. Гиппиус с Н. М. Минским (1891–1912) / Вступ. статья, прим. С. В. Сапожкова; сост. и подг. текстов А. В. Сысоевой, С. В. Сапожкова // Лит. наследство. 2018. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус: В 2 кн. Кн. 1. С. 108–397; Переписка З. Н. Гиппиус с П. И. Вейнбергом (1893–1906) / Вступ. статья и прим. С. В. Сапожкова; сост. и подг. текстов А. В. Сысоевой и С. В. Сапожкова // Там же. С. 398–440.

Рассказ о «второй жизни» Минского завершает в главе 3 история его сотрудничества в органе символистов — журнале «Северный вестник» и анализ причин сближения, а затем резкого расхождения с А. Л. Волинским.

«Третья жизнь» писателя составляет наиболее объемный раздел книги, шесть глав которого посвящены длительному периоду — с 1901 по 1913 год. Открывает раздел аналитическое исследование сборника «Новые песни» (1901), знаменующего следующий этап в творческой и идейной биографии Минского и утверждающего «новый, „остраненный“ взгляд на действительность» (с. 181). Отметив его готовность после выхода сборника «привести в соответствие с новой поэтической системой свою религиозную философию» (с. 193), Сапожков переходит к рассказу об участии своего героя в Религиозно-философских собраниях, журнале «Новый путь», полемике с В. В. Розановым. Обновление духовно-нравственных ориентиров и стремление ответить на вопрос о способе воплощения догматов христианства в жизнь общества, как показывает Сапожков, получили отражение в книге Минского «Религия будущего» (1905), значение которой определяется «ее практически установками, ее более тесной и адресной ориентацией не на убежденного подвижника веры, а на человека сомневающегося, колеблющегося, готового принять и выслушать иную, отличную от догматического православия, точку зрения на вечные вопросы бытия» (с. 223).

Неоспоримый интерес представляет глава о творческих воплощениях «жизнестроительных» идеалов Минского — его драматических произведениях, и прежде всего в драме «Альма» (1900). Далее Сапожков обращается к сенсационному, с точки зрения современников, повороту в идейных установках писателя — его союзу с марксизмом, воплотившемуся, среди прочего, в издании большевистской газеты

«Новая жизнь» (1905) и публикации «Гимна рабочим», и дает тщательное аналитическое описание пути Минского к трагическому итогу его попыток на практике осуществить идеалы «религии будущего» — отъезду в эмиграцию. Завершает рассказ о «третьей жизни» писателя история выхода 4-томного «Полного собрания стихотворений» (1907) и реакции критики на него.

Четвертый раздел монографии, озаглавленный цитатой из Минского «Чем будешь ты, моя четвертая жизнь?..», охватывает период с момента его возвращения в Россию 2 марта 1914 года вплоть до смерти в Париже 2 июля 1937 года. Особое внимание Сапожков уделяет причинам, побудившим писателя к повторному, окончательному отъезду из России летом 1914 года. По мнению исследователя, основная из них заключалась в том, что за время эмиграции Минский «потерял на родине не только бывших единомышленников, но и своих слушателей, свою „паству“» (с. 330). В главе 1 «„Лики войны“ в творчестве Н. М. Минского 1914–1916 годов» представлена его деятельность в качестве парижского корреспондента газеты «Утро России», проанализированы военная лирика и пьеса «Лики войны», ранее не попадавшая в поле зрения исследователей творчества писателя. Далее представлено послевоенное творчество Минского: его сборник стихотворений «Из мрака к свету» (1922), в котором декларировалось «преодоление розни во всех ее формах» (с. 351), участие в литературной жизни русского Берлина в 1921–1923 годах, а также несостоявшиеся планы по возвращению в Россию.

В «Заключении» подведены итоги исследования и расставлены основные акценты.

Чрезвычайно полезным приложением к монографии является библиография текстов Минского и литературы о нем — первый опыт построения персональной библиографии писателя.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-248-251

© Т. В. Игошева, © Г. В. Петрова

О «СРОЧНОЙ СЛОВЕСНОСТИ»*

Поиск новых подходов к исследованию сложно поддающихся систематизации многообразных форм взаимодействия литературы и журналистики начала XX века, которые

были бы свободны от какой-либо заданности, от идеологического налета, — одна из актуальных проблем гуманитарного знания, и потому нельзя не приветствовать мысли А. А. Холикова, сформулированной во введении, о необходимости пересмотра методологии изучения культурного ландшафта начала XX века. Очевидно и то, что потенциал русского модерна должен быть связан не только с собственно художественными и аксиологическими открытия-

* Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / Отв. ред. и сост. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 768 с.